

© 2021. С.В. Капустина

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

Концепт «беспорядок» в романе Ф.М. Достоевского «Подросток»

© 2021. Svetlana V. Kapustina

Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol, Russia

The Concept of “Besporyadok” (“Disorder”) in Dostoevsky’s Novel *The Adolescent*

Информация об авторе: Капустина Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», проспект Академика Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Республика Крым, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-0608-5258>

E-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена реконструкции концепта «беспорядок» в романе «Подросток», осуществляемой с учетом различия в нем интенций фактического автора и героя-креатора. На материале рабочих тетрадей Ф.М. Достоевского за февраль 1874 – ноябрь 1875 г. восстанавливается сложная структура исследуемого авторского концепта, ключевой элемент которой – «беспорядок внутренний», возникающий при отравлении души человека ядом бесовщины. Утверждается, что этот тип *беспорядка*, соотносимый Ф.М. Достоевским с феноменом *безобразия*, служит источником и катализатором «беспорядка домашнего», «беспорядка светского», «беспорядка всеобщего». Подросток же, иллюстрируя все перечисленные грани авторского концепта, закономерно сосредотачивается на осмыслении «беспорядка внутреннего», который в финале его «Записок» обретает концепт-имя «безобразия». Постепенное «развертывание» этого концепта Аркадием Долгуроуким задает динамику повествования, отражает совершающийся процесс *самовыделки*, основанный на движении героя от *ощущения безобразия* к началу *его сознания*.

Утверждается, что восприятие Ф.М. Достоевским *беспорядка* и *бесовства* как соприродных феноменов, провоцирующих всеобщее разложение, нарастание хаоса

в макро-/микром мире и жажду самоистребления, не предопределяет константно негативную модальность при их художественном воплощении. В свете «реализма в высшем смысле» проявления *беспорядка* видятся писателем и как импульс к обновлению, очищению, преображению. Аркадий Долгорукий же в силу возраста и духовной неукрепленности лишен возможности воспринимать *безобразия* в столь расширенном фокусе, поэтому в его концептосфере эта единица не амбивалентна сама по себе, а в качестве отрицательного элемента противопоставлена *благообразию*.

Ключевые слова: Достоевский, концепт автора, концепт героя, беспорядок, бесовщина, безобразия, благообразия.

Для цитирования: Капустина С.В. Концепт «беспорядок» в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15). С. 76-97. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-3-76-97>

Information about the author: Svetlana V. Kapustina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Speech Culture, Institute of Philology, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Academician Vernadsky Avenue 4, 295007 Simferopol, Republic of Crimea, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-0608-5258>

E-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

Abstract: The article is dedicated to the reconstruction of the concept of “besporyadok” (“disorder”) in the novel *The Adolescent*, considering the distinction between the intentions of the actual author and the hero-creator. The complex structure of the author’s concept is reconstructed using Dostoevsky’s workbooks for February 1874 – November 1875, and the key element of it is stated to be the “internal disorder” that occurs when a person’s soul is poisoned with devilry. It is argued that this type of *besporyadok* (“disorder”), correlated by Dostoevsky with the phenomenon of *bezobrazie* (“ugliness”), serves as a source and catalyst for “family disorder”, “secular disorder”, and “general disorder”. The adolescent, illustrating all the listed facets of the author’s concept, naturally focuses on comprehending the “internal disorder”, which at the end of his “Notes” acquires the concept-name of “bezobrazie”. The gradual “deployment” of this concept by Arkady Dolgoruky sets the dynamics of the narrative, reflects the ongoing process of *samovidelka* (“self-creation”), based on the movement of the hero from the feeling of *bezobrazie* (“ugliness”) to the beginning of *his consciousness*. It is argued that Dostoevsky’s perception of *besporyadok* (“disorder”) and *besovstvo* (“devilry”) as related phenomena provoking general decomposition, an increase of the chaos in the macro and microcosm, and thirst for self-destruction, does not predetermine a constantly negative modality in their artistic embodiment. In the light of the “realism in the highest sense”, the manifestations of *besporyadok* (“disorder”) are often seen by Dostoevsky as an impulse for renewal, purification, and transformation. Arkady Dolgoruky, due to his age and spiritual weakness, is deprived of the opportunity to perceive *bezobrazie* (ugliness) in such an expanded focus, therefore in his conceptsphere this unit is not ambivalent in itself, but is a negative element opposed to *blagoobrazie* (goodness).

Keywords: Dostoevsky, concept of the author, concept of the hero, *besporyadok* (disorder), *besovstvo* (devilry), *bezobrazie* (ugliness), *blagoobrazie* (goodness).

For citation: Kapustina, S.V. “The Concept of ‘Besporyadok’ (‘Disorder’) in Dostoevsky’s Novel *The Adolescent*”. *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (15), 2021, pp. 76-97. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-3-76-97>

Указание на то, что Ф.М. Достоевский планировал назвать свой предпоследний роман «Беспорядок», – своеобразный рефрен в симфонии исследовательских работ о «Подростке», хотя были и иные варианты заголовка, которые, как правило, обходятся вниманием (среди таковых: «Вступление на поприще», «Подробная история» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 64]). Причина ясна: *идея беспорядка* осталась для этого многогранного произведения одной из магистральных, а значит, способствующей разъяснению вопросов, связанных с его поэтикой и художественной семантикой. «Развертывание» отмеченной *идеи* задает динамику и настроение текста, а само *слово «беспорядок»* становится «сквозным» – пусть не вынесенным в заглавие, но явно относящимся к тем особенным для Ф.М. Достоевского *словам*, которые, по его же меткому выражению, позволяют «почувствовать мысль».

Важность и концептуальный потенциал *слова «беспорядок»* как для романа «Подросток», так и для всего наследия Ф.М. Достоевского тонко почувствовал В.Я. Кирпотин, предпринявший попытку установить *его* генезис. Ученый пришел к выводу: «Достоевский взял у Гоголя понятие и самое слово “беспорядок”» [Кирпотин, 1972, с. 60] и так же, как и старший писатель, противопоставил ему «богатырство». Примечательно, что при объяснении В.Я. Кирпотинным сближающего обоих классиков *слова и понятия «беспорядок»* приводятся цитаты, которые будто бы намекают на *его* окказиональную смысловую нагрузку, восходящую к метафизике: «Дьявол пришел в мир! – ужасался Гоголь, дьявол бодрствует! – вторил ему Достоевский» [Кирпотин, 1972, с. 59]; «“Диавол выступил уже без маски в мир, – выражает ту же мысль Гоголь-публицист. – Дух гордости перестал уже являться в разных образах и пугать суеверных людей: он явился в собственном своем виде...”<...> Раньше были святые, были праведники, к которым сходила “сама царица небесная”, “но дьявол не дремлет, – повествуется у Достоевского, – и в человечестве началось уже сомнение в правдивости этих чудес” (“Великий инквизитор”» [Кирпотин, 1972, с. 59-60]. Но даже резюмировав, что «Гоголь “запрограммировал” конфликт между **неблагообразным, “дьяволовым”** вселенским “беспорядком” и богатырским подвигом, долженствующим осуществить *идеал*»¹ [Кирпотин, 1972, с. 71], В.Я. Кирпотин поддается «заидеологизированности»:

¹ Здесь и далее полужирный курсив в цитатах мой. – С. К.

им указываются социальные истоки «беспорядка» и в качестве олицетворенного «богатырства» называются реформаторы, адепты революционных течений.

Перспективные наблюдения ученого, думается, нужно извлечь от идеологических штампов и адаптировать к тем аксиологическим ориентирам, объединяющим Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского, о которых было принято умалчивать в советское время; то есть рассмотреть зарегистрированные В.Я. Кирпотинным антистетичные слова и понятия «богатырство» и «беспорядок» в контексте максимы религиозного сознания «Божественное» – «бесовское». Прибегая к нежелательному, но необходимому анонсированию результатов предпринятого исследования, отметим, что в этом ракурсе удалось установить хотя и относительное, восходящее к «народной этимологии», но всё же реальное противопоставление «беспорядка» (как «бесовского порядка») «богатырству» («силе от Бога»), которое актуализируется в творчестве обоих писателей (см.: [Капустина, 2014]).

Предполагаем, что преобразования должны быть осуществлены и в теоретическом плане: противопоставленные друг другу «беспорядок» и «богатырство» не просто значимые для Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского лексемы, в которых спрессованы окказиональные смыслы, а разноуровнево заданные классиками аксиологически маркированные *мыслеобразные* единицы, которые можно (и должно) обозначить как авторские концепты (далее термины «авторское слово», «авторский концепт», «мыслеобраз» будут употребляться нами как семантически тождественные).

Однако утверждение оппозициональности перечисленных концептов имеет весомый контраргумент: слово «беспорядок» до реформы 1917-го года писалось как «безпорядокъ». В рукописях Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского оно начертано в соответствии с действующими до 1917-го года орфографическими нормами – через «з», – что якобы противоречит выявлению в ядре концепта «беспорядок» значения «бесовский порядок». Но, с нашей точки зрения, графическое оформление слова «безпорядокъ» вовсе не является опровержением восприятия Н.В. Гоголем и Ф.М. Достоевским данной категории как «бесовского порядка», ведь для истинных литературных мастеров значимо *слово звучащее*²

---

² Как отмечает в.в. Виноградов, «Гоголь больше всего ценил и острее всего воспринимал звучащую речь. В плане звучащей речи с многообразием ее интонаций и форм

Реконструкцию авторского концепта «беспорядок» в романе «Подросток» осложняет и «многоликость» автора, ведь «Записки» – *по преимуществу* отображение концептосферы Аркадия Долгорукого, ключевые единицы которой могут быть как содержательно близкими мыслеобразам Ф.М. Достоевского, так и кардинально от них отличаться. Чтобы «отфильтровать» концепт автора от концепта героя (или доказать, что концепт автора лишь омонимичен узуальному понятию, которым оперирует герой), считаем методологически оправданным первоочередно сосредоточиться на материале черновиков к роману «Подросток», в которых авторские интенции представлены, во-первых, конспективно (выделены концептуально вершинные слова и выражения); во-вторых, семантически концентрированно (даны прямые пояснения к «осевым» идеям); в-третьих, последовательно (зафиксирован процесс кристаллизации смыслового «ядра» произведения).

При этом важно учесть хронологически близкие автоинтертекстуальные контексты-репрезентанты, в которых минимализированы художественные аранжировки и, соответственно, голос автора не сливается с голосами его героев (наброски к «Дневнику писателя», строился его художественный стиль» [Виноградов, 2003, с. 72]. Часто писатель обращался и к «народной этимологии», связывающей звуковую форму слова с его смысловым содержанием. Например, в Записной книжке 1841–1845 гг. Н.В. Гоголь поясняет такие слова: «мараль – запачканность», «мошинальный человек – мошенник». Очевидно, что данные слова имеют общепринятые омофоны: «мораль» и «машинальный», однако спецификой записанных Гоголем понятий является прямая зависимость их значения (и написания) от звукового оформления «мараль» от «марать», «мошинальный» от «мошеник». Во втором томе «Мертвых душ» Н.В. Гоголь также намеренно обращается к народному переосмыслению слова «пролетарий», согласно которому оно семантически восходит к глаголу «пролетать»: «Малый! Подай сукно сверху, что за тридцать четвертым номером. Да не то, братец! Что ты вечно выше своей сферы, точно *пролетарий* какой!» [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 457].

Для его последователя Ф.М. Достоевского, *надиктовывающего* свои произведения (начиная с «Игрока»), также важную роль играл фонетический принцип. Писатель мастерски «обыгрывал» значения близких по звучанию слов. К примеру, в рассказе «Чужая жена и муж под кроватью» незнакомец, оказавшийся в «неприятном соседстве» с Иваном Андреевичем, характеризуется так: «Может быть, это был человек, испытывавший не раз гонения судьбы и не раз находившийся в *стесненном положении* <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 67]. Слово сочетание «стесненное положение», поставленное в один ряд с «гонениями судьбы», воспринималось бы как указание на неоднократные материальные трудности героя, периодически испытываемую им нужду. Однако продолжение фразы «<...> но Иван Андреевич был новичок и задыхался от *тесноты*» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 67] дает новые семантические преломления «стесненному положению», сопряженные с «подкроватьным» антуражем этой встречи. Аналогичная игра созвучных слов наблюдается и в диалоге между Иваном Андреевичем и незнакомцем: «Боже! Я никогда не был в таком *унизительном положении!* / Да, *ниже лежать* нельзя» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 67].

заклучения из белого варианта моножурнала и т. д.). Хотя полифония больших романов классика вовсе не исключает возможности слышать его слово: даже при условии «солирования» Аркадия Долгорукого текст «Подростка» содержит прямые экспликации концепта «беспорядок» Ф.М. Достоевского. Например, на уровне ономастики. Создатель «Записок» может проявить свое мыслительство только при косвенном наречении окружающих – обозначении их прозвищами; в остальных же случаях он только *передает* имена персонажей, неслучайно³ *данные* им Ф.М. Достоевским.

Сделав необходимые preliminaries, приведем аргументы в пользу того, что слово «беспорядок», действительно, особо выделялось автором в процессе работы над четвертым из пяти его великих романов. О такой сосредоточенности Ф.М. Достоевского свидетельствует и неоднократно повторенный в набросках, но в результате отвергнутый вариант заглавия «Беспорядок» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с.64; с. 80; с. 101; с. 130]; и частые графические выделения имени реконструируемого концепта прописными буквами, курсивом и/или подчеркиванием (рамкой), а также выделяющие его пометы «NB»; и, думается, выдержки из черновики к «Подростку», посвященные выбору своего рода *глашатаю беспорядка* (персонажа, настолько часто вещающего об обозначенном феномене и называющего его, что в пределах произведения планировалось установить прямую *словопринадлежность*).

Так, примеряя первоначальное название к форме «от Я», Ф.М. Достоевский строками Аркадия отметит: «Я назвал всё это: Беспорядок. Это слово ЕГО. ОН чаще всего употреблял это слово» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 101], а позже трансформирует

---

³ Прояснение характера или предназначения героя посредством «говорящего» имени – один из излюбленных приемов Ф.М. Достоевского. Однако за «неслучайность» в этом контексте по инерции может быть принята и банальная авторская оплошность. Так, ономастическая метаморфоза Дарьи Осиповны в Настасью Егоровну на страницах «Подростка» трактуется некоторыми современными литературоведами как заведомо начатая Ф.М. Достоевским «игра с аудиторией», согласующаяся с «общим замыслом изображения беспорядка, в котором читатель должен не заметить перемену имени героини» [Карпачева, 2014, с. 43]. Предполагаем, что переименование не было умышленно и, соответственно, никак не связано с прямой экспликацией концепта «беспорядок» ни автором, ни героем. *Упущение* Ф.М. Достоевского (аналогом которого представляется, например, случай с заменой Лидочки на Лёничку в «Преступлении и наказании») и – особенно – его неисправленность оправдываются «своенравностью записок» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 103] и твердостью намерений Аркадия Долгорукого, в финале заключившего: «От многого отрекаюсь, что написал, особенно от тона некоторых фраз и страниц, но не вычеркну и не поправлю ни единого слова» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 447].

исходный вариант: «<...> выходит, что Подросток ухватил слово *беспорядок* у ней. Она же говорила об этом Версилу на свидании, которое подслушал Подросток» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 396]. В результате *глашатай беспорядка* определен не будет, а само слово будто бы «разольется» по тексту Ф.М. Достоевского, станет в большей или меньшей степени ощущаемо каждым персонажем. Фраза Андрея Петровича Версилова «Я часто стал слышать слово “беспорядок”» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 414] подчеркнет эффект *его* актуальности и *всепринадлежности*, оптимально согласующийся со стремлением автора выразить «всю идею романа», а именно «провести, что теперь беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду, в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых по тому самому нет), в убеждениях (которых по тому же нет), в разложении семейного начала» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 80].

Значима и частотность употребления имени исследуемого концепта в записных тетрадах за февраль 1874 – ноябрь 1875 гг.: лексема «беспорядок» и её падежные формы употребляются здесь 65 раз (помимо этого в набросках использованы и однокоренные слова: существительное «беспорядочность» <1 раз>, прилагательное «беспорядочная» (-ые) <2 раза> и его сравнительная степень «беспорядочнее» <1 раз>, краткое прилагательное «беспорядочен» <2 раза>, наречие «беспорядочно» <2 раза>). Характерно также, что ни один из обнаруженных контекстов не передает непосредственного *созерцания беспорядка* в его традиционном – материально-визуализированном – виде.

Например, в словосочетании «Роман: *Беспорядочные силы*» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 244], вписанном на полях подготовительных рукописей и неслучайно выделенном курсивом, нет указания на материально-вещную статику, но есть своеобразная констатация динамикозадающих свойств, будто бы имеющих трансцендентную природу. В связке с лексемой «силы», трактуемой лексикографами как «источник, начало, основная (неведомая) причина всякого действия, движенья, стремленья, понужденья» [Даль, 1903–1909, т. 4, с. 188], обнаруживается способность *беспорядка* к *влиянию* на людей (соответственно, в качестве источника темной энергии, разрушительной деятельности).

Примечательно, что эта *способность* разными средствами репрезентирована в «творческой лаборатории» к роману «Подросток».

Так, на грамматическом уровне она проявляется в оригинальной, но, как показывает количество примеров, весьма востребованной автором «формуле»: подлежащее «беспорядок» + сказуемое, выраженное глаголом *активного залога* (!) + дополнение, выраженное формой *личного местоимения* «Я» («Подросток: “Э, куда ни шло! Беспорядок охватил меня”» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 103]; «Подросток. Беспорядок охватывал меня всё больше и больше» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 289]; «Теперь время признаться: для чего я писал записки? БЕСПОРЯДОК поразил меня» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 395]). Окаzionaliальные «деепроизводительные» свойства «беспорядка», который обычно воспринимается как результат совершенного кем-то действия, свидетельствуют о возможности его осмысления Ф.М. Достоевским как «бесовского порядка». Характерно, что глаголами «охватить» и «поразить» здесь обозначается посягновение на душу Подростка, будто бы диагностируется инфицирование юноши бесовским поветрием, после которого он возжадет духовного исцеления и решится на «мирскую исповедь», покаяние в формате «Записок».

Способность «беспорядка» отравлять и даже умерщвлять бесовским ядом тех, кто нравственно не укреплен, на страницах подготовительных тетрадей к «Подростку» принимает вид *жучка*. И это не просто плотоядное насекомое, а «душеядный» сопроводитель *хищного типа*; его энтомологическое альтер-эго; носитель и распространитель «заразы беспорядка» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 114], атрофирующей добро, наполняющей страстями и часто до остатка высасывающей из жертвы жизненные соки.

Впервые в черновиках к «Подростку» связь между *хищным типом* и *жучком* обозначена автоинтертекстуально – отсылкой к роману «Бесы»: «И обаятелен, и отвратителен (красный жучок, Ставрогин)» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 7]. Однако в своей исповеди Ставрогин (неоднократно соотносимый со словом «беспорядок» в соответствующих набросках) описывает не жучка, а «крошечного красненького паучка на листе герани» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 19]. Г.С. Померанц сопоставляет увиденное героем насекомое с «образом души сладострастника» [Померанц, 1990, с. 98]; К.А. Степанян – с «символом жестокости и сладострастия» [Степанян, 2013, с. 61]. Предполагаем, что справедливо обозначенная исследователями семантика расширяется авторской заменой «красненького паучка» Ставрогина «красным жучком» и отождествлением его

с «жучком беспорядка». Главными ингредиентами яда бестиарного заразителея по-прежнему остаются сладострастие («ЕГО же замучил жучок не *по жене*, а по *Лизе* (жучок *беспорядка*)» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 22]) и жестокость («Под конец, когда погубил жену и всё кончилось, жучок входит в свои права и всё побеждает» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 52]), но теперь они сочетаются также с равнодушием и цинизмом («Втайне делает добро, но после жучка равнодушен и *бросил благодетельствуемых*» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 22]), сомнением и неверием («Ищет груза, ищет веры, но ЕГО придавил жучок» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 38]; «Но, наконец, сгорает и разбивает образа, делает злодейство, не выдерживает красного жучка <...> «Когда разбил образа: “Нет добра и зла <...>” – и замучился жучком» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 40]).

Такая адская смесь, впрыскиваемая *жучком* в души героев, не только изнуряет их страданием («Страдание (жучок), явившись раз, давит его как таракана» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 21]), но и приближает завершение земного пути («невозможность жить после жучка» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 9]; «В конце – ОН погибает от жучка <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 21]). Весьма иллюстративным представляется и то, что причиной смерти пораженных этим ядом несколько позже называется уже не *жучок беспорядка*, а собственно *беспорядок* («Перед смертью (от нравственного беспорядка и истощения) она говорит: “Как это всё вдруг ужасно! Какой вдруг беспорядок...”» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 29]; «Мачеха умерла, не вынеся беспорядка» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 92]).

Не менее иллюстративной представляется и замена имени концепта «беспорядок» на «безобразие» в сочетании с понятиями сенсорного восприятия «чувство» и «ощущение». Впервые оба словосочетания последовательно появляются в июньских записях 1875 года: «Чувство беспорядка. (с абзаца – прим. К. С.) Первое чувство безобразия» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 351]. Далее: «Ощущение безобразия» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 358]; «1-е чувство безобразия» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, 364]; «ощущение безобразия» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, 377]; «чувство безобразия» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, 378]. Замыкает этот ряд «сознание беспорядка» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 390], побуждающее Подростка к началу борьбы с источником заражения.

Чередованием значимых для Ф.М. Достоевского *слов* «беспорядок» и «безобразия», думается, вскрывается соприродность их содержания. Поясним этот тезис. В рабочей тетради Ф.М. Достоевского 1875–1876 гг. зафиксировано толкование «словца народного» «образить»⁴ – «дать образ, восстановить в человеке образ человеческий» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 126]. В контексте этой интерпретации *безобразие* приравнивается к попранию в человеке человеческого и, следовательно, помрачению в нем Образа Божия. Животворящий Свет в душах безобразников (беспорядкующих) постепенно погружается во тьму, но не гаснет, теплится, – и может разгореться с новой силой, если опьяненный бесовщиной почувствует и осознать свою одержимость, возжаждет отрезвиться духовно и весь обратится к Богу.

Подтверждение этому истолкованию находим в работе В.В. Лепехина, справедливо называющего противопоставленность «без-образ-ия» и «Благо-образ-ия» (сохранены авторские особенности оформления слов – прим. К. С.) в романах Ф.М. Достоевского и «Дневнике писателя» «принципиальной мировоззренческой дилеммой, а не игрой слов» [Лепехин, 2000, с. 256]. Согласно трактовке исследователя, «без-образия» должно понимать не в онтологическом плане, ибо образ Божий в человеке неуничтожим, но в плане его предельного искажения грехом и потемнения от соработничества врагу» [Лепехин, 2000, с. 256].

Следовательно, «ощущение/чувство беспорядка/безобразия» – симптом духовной поврежденности inferнальным, а «сознание беспорядка» – обнаружение ее источника и уразумение неминуемой трагедии при непротивлении злу. Закономерен вопрос: «Указывает ли зафиксированная взаимозаменяемость *слов* “безобразия” и “беспорядок” и установленная соприродность обозначаемых ими явлений на идентичный смысловой объем двух по-разному названных концептов Ф.М. Достоевского?». Аргументом для отрицательного ответа становится то, что в черновиках к «Подростку» представлена

---

⁴ В романе «Подросток» слово «образить» употребит купец Максим Иванович Скотовойников из рассказа Макара Долгорукого, рассуждающий об афимьевских мужиках: «Так разве это – человек? Это – зверь, а не человек; его, перво-наперво, *образить* следует, а потом уж ему деньги давать» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 314]. В этих заключениях прослеживается простая логика: если народ, работающий на фабрике у купца, «развратен», «вор» и «подлец», то (обобщенно) он – «зверь», то есть (примитивизируя толкование Апокалипсиса) бесовствующий, которого и следует образить (очеловечить, обожить) – вернуть к жизни по Законам Божиим.

целая *антология беспорядка* («нравственный беспорядок» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 29; с. 81] = «внутренний беспорядок» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 112; с. 113; с. 114, с. 395, с. 396] = «беспорядок души» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 99]; «*домашний* беспорядок» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 86]; «высший беспорядок» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 354] = «в обществе беспорядок» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 298; с. 321, с. 396] = «в свете беспорядок» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 293]; «вообще беспорядок» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 68] = «беспорядок всеобщий» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 80] = «полный беспорядок во всем» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 186]) – и только первый из перечисленных *видов* – служащий импульсом и катализатором для остальных составляющих этого ряда – равноценен содержанию авторского концепта «безобразия».

Указанная тождественность проявляется в записных тетрадах не только в сочетании с понятиями «чувство» и «ощущение», но и при подборе штрихов для изображения духовных портретов героев (князь Сергей Сокольский, сначала ёмко характеризующийся как «беспорядок» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 252; с. 253], позже обозначается как «тип нравственного безобразия» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 354]); их ценностных приоритетов (Аркадий Долгорукий, который «хотел бежать от безобразия» и устремиться «к Макару» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 387], не изменяет этому спасительному для него желанию: «Благообразие **в** Макаре, беспорядок **в** Версилове. Подросток хочет уйти от беспорядка» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 394]).

Важно, что идентичная «безобразию» смысловая нагрузка слова «беспорядок» в «Записках» Подростка (принципиально – без учета «заключения-рецензии» от Николая Семеновича) проявится лишь единожды и только при *передаче* фразы Версилова: «Я часто стал слышать слово «беспорядок»; вы тогда тоже испугались моего **беспорядка**, вериг, идей, глупостей?» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 414-415]. В иных же *5-ти* романских контекстах лексемой «беспорядок» реализуются узуальные значения одноименного *понятия*, то есть «Непорядок, упущение порядка, отсутствие порядка, неустройство, расстройство» [Даль, 1903–1909, с. 72] («Не знаю, но я больше люблю, где книги разбросаны в **беспорядке**, по крайней мере из занятий не делается священнодействия» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 117]; «Есть, впрочем, и **беспорядки**: пятнадцатое

ноября, и уже три дня, как стала зима, а шуба у меня старая, енотовая, версиловский обносок <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 163]; (о князе Сергее Сокольском) «<...> в словах его и в течении идей было чрезвычайно много **беспорядка**» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 244]; (об «исповеди» Версилова) «<...> если она была в **беспорядке**, если некоторые откровения были несколько как бы чадны и даже нескладны, то разве он готовился к ораторской речи, зазвав меня вчера к себе?» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 357–358]; (реплика княгини Ахмаковой) «Я знаю, что в нашем обществе такой же **беспорядок**, как и везде; но снаружи формы еще красивы, так что, если жить, чтоб только проходить мимо, то уж лучше тут, чем где-нибудь» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 414]).

Аналогичная ситуация наблюдается и в других 4-х романских контекстах – с наречием «беспорядочно» («Всё это было **беспорядочно**; я чувствовал, что что-то сделал, да не так, и – и был доволен; повторяю, всё-таки был чему-то рад» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 100]), прилагательным «беспорядочная» («Я должен сказать, что она <Анна Андреевна – К. С.> никогда не заговаривала со мной о моей **беспорядочной** жизни <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 195]), кратким прилагательным «беспорядочны» («Лицо ее <Татьяны Павловны – К. С.> было свирепо, жесты беспорядочны <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 251]), сравнительной формой «беспорядочнее» («Речь его <Версилова – К. С.> вдруг стала в десять раз бессвязнее и **беспорядочнее** <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 384]).

Доказывает ли выявленная непоименованность *концепта* «беспорядок» в «Записках» Подростка то, что *он* и вовсе не был задан героем, а есть продукт мыслетворчества Ф.М. Достоевского? Считаем, что Аркадием Долгоруким была задана та значимая часть авторского концепта, которая соответствует выделенному в набросках типу «нравственный беспорядок». Это обусловлено интроспекционной сосредоточенностью героя, воспроизводящего процесс самовыделки. Ощущая и фиксируя *нравственный беспорядок* других, он сумел обозначить все поворотные точки и на лично пройденном пути от *чувства безобразия* к началу *его сознания*. Имя же концепта Аркадия Долгорукого закономерно обрел лишь в завершении «Записок».

Значимость слова «безобразия» герой поясняет подспудно, будто бы на контрастах. Вспоминая разговор с Макаром, он размышляет о «благообразии» – «роковом словце», которое давеча

«наэлектризовало» его [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 302]. Полагаем, «электризация» не состоялась бы без участия «отрицательно заряженного» компонента, коим выступило прочувствованное и прожитое Подростком слово «безобразие». Сам процесс проживания филигранно передан постепенным «расширением» семантики особенных слов «благообразие» и «безобразие» от узуального их восприятия (в период «чувства беспорядка») до окказионального – «электризирующего» – осмысления (в период совершающегося «сознания беспорядка»).

Так, лексема «благообразие» впервые в «Записки» Подростка была введена Васиным задолго до появления на авансцене Макара Ивановича Долгорукого: «<...> очень многие из тех, которые в силах думать о своей предстоящей смерти, самовольной или нет, весьма часто склонны заботиться о **благообразии** вида, в каком останется их труп» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 134]. В этом контексте слово «благообразие» лишено особого метафизического смысла, а потому не согласуется с исканиями Аркадия и не привлекает его внимания. В завершении же первого разговора с Макаром Ивановичем слово «**благообразие**», срываясь с уст Подростка, будто перерождается. Отныне оно понимается Аркадием как «почти чудесное» «совпадение слов» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 305], наполненное сакральным смыслом и указующее на единственно верный путь – восстановление в душе Благого Образа, замутившегося в круговерти страстей.

Идентичен алгоритм «развертывания» концепта «безобразия» в «Записках» Аркадия Долгорукого. До встречи с Макаром Ивановичем он оперирует одноименным общепринятым понятием, реализующим значение «Отсутствие должного образа, вида, наружности; недостаток красоты, красы, стати, склада; уродливость, нескладность, безвкусие» [Даль, 1903–1909, т. 1, с. 68]. Например, описывая комнаты Татьяны Павловны, юноша отмечает их нескладность и впервые вводит в текст лексему «безобразия»: «были они до **безобразия** низки» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 126]. Однако, содержание концепта, именем которого отмеченная лексема впоследствии и станет, «вызревало» в мировоззрении героя уже с первых глав «Записок».

Достоевский напишет: «Долгушины – нравственный беспорядок» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 81].

Долгорукий же сделает зарисовку об идеях «диалектиков» из кружка Дергачева, высказываемых при свете горячей лампадки

и образе без ризы. Выделит идею о второстепенности России, которой всецело подчиняется настаивающий на своей фатальной русскости носитель немецкой фамилии «Крафт». Расскажет о своей идее, ради которой испытывал себя суррогатом монашества, то есть без Христа в сердце тешился «подвигами» самовыдуманной «аскезы».

Достоевский диагностирует в современной ему России «заразу беспорядка» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 114].

Долгорукий, не раз предупрежденный собеседниками о тотальном помешательстве, выкажет опасения, что сам может стать очередной жертвой страшного душевного недуга: «<...> во все это последнее время, и вплоть до катастрофы, мне как-то пришлось встречаться сплошь с людьми, до того возбужденными, что все они были чуть не помешанные, так что я сам поневоле должен был как бы заразиться» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 244].

Достоевский отождествит «тайный, сокрытый и для себя атеизм, сомнения в христианстве» и «внутренний беспорядок» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 112].

Долгорукий *раздраженно* допустит свою приверженность «модному» атеизму: «Ну, а если я не верю всему этому?» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 174]. Но позже признается матери: «<...> я хочу искренно верить, я только фанфаронил, и очень люблю Христа...» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 215]. После «адской ночи» же эта мысль, сформулированная «возрожденным, но не исправленным» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 281] Аркадием в разговоре с Макаром Ивановичем, прозвучит менее эмоционально и более утвердительно: «<...> и, поверьте, что в Бога верую <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 287].

До «электризации» – момента, когда падения прошлого и вершины будущего для Подростка облекутся в два метафизически противопоставленных друг другу *слова*, – герой «любя Христа» всё безудержнее подчинялся разгорающемуся внутри бесовскому пламени, пока оно едва не вырвалось наружу пожаром в «адскую ночь». С этого «пограничного» события, завершающего период «ощущения безобразия» Аркадием Долгоруким и предваряющего *его* постепенное «сознание» героем, Ф.М. Достоевский будто бы намеренно начнет создавать парадоксы при экспликации *авторского* концепта «беспорядок».

Напомним, после несостоявшегося ночного поджога и удара о землю Подросток, ощущая «нестерпимый холод», «съежившись

и скорчившись» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 269], засыпает за дровами в одном из переулков снежного Петербурга. Эта сцена будто бы повторится в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год: зимней петербургской ночью «<он> вдруг забежал сам не знает куда, в подворотню, на чужой двор, – и присел за дровами <...> Присел он и скорчился, а сам отдышаться не может от страху» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 16]. Он – герой рождественского рассказа Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке». Младенец, который за свой недолгий земной век познал равнодушие и жестокосердность беспорядкующих людей, – празднующих Рождество, но не желающих замечать рядом с собою «разоренного вертепа» [Касаткина, 2015, с. 422]. Христос забирает замерзшего за дровами мальчика на Небесный Праздник – совершает чудо, вышедшее за пределы земной жизни маленького героя и хронотопически расширенное до масштабов Вечности. Несмотря на то, что Аркадий Долгорукий перед неосуществившимся преступлением констатирует: «всё как-то отчуждилось» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 267], спасительное чудо ожидает и его.

Парадоксально, но видимым⁵ воплощением чуда станет воплощение беспорядка – будто бы выскочивший из сна Подростка Ламберт.

В записных тетрадах к роману фамилия этого героя обозначена уже на первых страницах: «Дети – развратники и атеисты. Ламберт» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 6]. Вспоминая о жизни в пансионе Тушара и жестокостях своего приятеля, Аркадий также неизменно называет его по фамилии. Даже исследователи ономастики романа «Подросток» указывают, что «<...> друг детства Аркадия носит “французскую фамилию” и ни разу не назван по имени» [Скуридина, 2007, с. 48], а последнее обстоятельство объясняют так: «Отсутствие личного имени значимо у Ф.М. Достоевского, и является не только показателем негативного авторского отношения, но и признаком особого восприятия персонажа другими действующими лицами» [Скуридина, 2007, с. 48]. Это обобщение показалось бы только спорным, если б не было изначально ошибочным. Имя Ламберта единожды, но зафиксировано в романе. Вслед уходящему герою Альфонсина «патетически прокричит»: «Mais vous n’avez pas dormi

⁵ В пользу того, что «от окончательного падения героя спасает молитва матери», приводит убедительные аргументы Е.А. Федорова [Федорова, 2021, с. 269]. Принимая точку зрения исследовательницы, незримым, но основным источником спасительного для Аркадия чуда считаем материнское благословение Софьи Андреевны.

du tout, Maurice!» («Но вы же совсем не спали, Морис! (франц.)») [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 276]. Неслучайно составленное Ф.М. Достоевским «онимосочетание» *Морис Ламберт* указывает на непосредственную связь этого героя с авторским концептом «беспорядок»: от лат. *maurus* – «черный», «темный»; от лат. *lambero* – «разрывать, раздирать», то есть «темный разрыватель (разрушитель)» или «разрыватель (разрушитель) от тьмы». Эта семантика проявляется и в бесовском позыве героя *разрывать* плоть тварей Божиих: от его выстрела канарейка разлетается «на сто перушков» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 27]; от всаженной им вилки появляется рана на ноге Аркадия; от отданного ему внаем немытого кулака Андреева происходит «раздробление чужих голов в щекотливых для Ламберта случаях» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 350].

Однако именно этот *открытый подлец* с «лицом как маска»⁶ и «белыми оскаленными <...> зубами» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 274] находит замерзающего Аркадия и уводит за собой – в квартиру на *Кривом* переулке. Спасает, чтобы потом закружить вихрем «бесовского порядка», соблазнить на пособничество в шантаже, запачкать душу разговорами о выкупе и... всем перечисленным дать импульс к очищению.

Значит ли это, что соприкосновение с «бесовским порядком», по Ф.М. Достоевскому, может спровоцировать не только духовный крах, но и преображение? Положительный ответ – в самой концепции романа «Подросток»: при любви ко Христу светлая перспектива открыта для заразившегося ядом бесовщины; при ее отсутствии или же сокрытии под ее видом гордости, желания возвыситься над людьми неминуема трагедия.

Подтверждение тому, что Ф.М. Достоевский художественно раскрывал «тему “беспорядка” и “хаоса”» будто бы чередуя «минус» и «плюс», находим в работе Г.М. Фридлендера, доказывающего, что *беспорядок* для классика – это «не только упадок, разложение и смерть, но и рождение нового», которое при всей «внешней “хаотичности” и “беспорядочности”, <...> перегорев в горниле истории, родит и принесет “много плода”» [Фридлендер, 1964, с. 37]. Такая амбивалентность в экспликации концепта «беспорядок», думается, максимально согласуется с творческими принципами «реалиста в высшем смысле».

⁶ Подобное сравнение применялось и к Ставрогину – *колоссу беспорядка* и главному молодому «бесу» из третьего романа Великого пятикнижия Ф.М. Достоевского.

Концепт же «безобразие» Аркадия Долгорукого не амбивалентен сам по себе, а служит, как отмечалось ранее, «отрицательной составляющей» в оппозиции к концепту «благообразие». В положительном элементе этой концепт-связки Аркадий видит светлое предвестие, знамение новой жизни. Темную же сущность *безобразия* в финале «Записок» Подросток то подтверждает («Злые духи уже овладели моими снами», – размышляет Подросток, вспоминая свое сновидение-предчувствие, обнажившее в нем «душу паука» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 327]), то будто бы старается опровергнуть, прибегая к «рациональным» толкованиям генеалогии внутреннего беспорядка («Двойник, по крайней мере по одной *медицинской* книге одного эксперта, которую я потом нарочно прочел, двойник – это есть не что иное, как первая ступень некоторого серьезного уже расстройства души, которое может повести к довольно худому концу», – обосновывает юноша одержимость Версилова, ссылаясь на неопределенный авторитет [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 446]). Такие колебания, скорее всего, можно объяснить длительностью этапа, который обозначен Ф.М. Достоевским как «сознание беспорядка». Подросток лишь начинает сознавать корни «безобразия» и искать укрепления во Благе, но недостаток жизненного опыта, духовная незрелость и неподготовленность замедляют продвижение по этому пути. По пророчеству Макара, Аркадию откроется сознание добра и зла в полной мере – и тогда уже не подросток, а нравственно возмужавший ревнитель Церкви Святой умрет за нее «аще позовет время» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 330].

Ф.М. Достоевский же, в отличие от Аркадия Долгорукого, не пытается рассудочно объяснить «бесовский порядок», прочно закрепившийся в душе Андрея Петровича Версилова – героя, который «ничему не веровал и был глубоким атеистом в душе всегда с *изначала* жизни своей, тем и мучился» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 33]. Сама фамилия, данная автором родоначальнику «случайного семейства», по справедливому замечанию Т.А. Касаткиной, «заключает в себе идею вращения, оборачивания, поворота, свернутости и свихнутости, неустойчивости и беспорядка, ускользания, уворачивания от упорядочения и, возможно, извращения и оборотничества» [Касаткина, 2004, с. 430]. Отмеченная исследовательницей «идея беспорядка» ставится в один ряд с *вероятной* «идеей оборотничества» – и такая постановка может быть вполне обоснована объединяющей названные феномены метафизической природой.

Загадочный образ Версилова был замыслен преисполненным противоречий: жажда христианского подвижничества сопровождается тяготением к разврату, кажущаяся искренность в разговорах с Подростком вдруг обретает черты насмешки, высокомерия и самолюбования. Ф.М. Достоевский неоднократно укажет на причины нравственной шатости Версилова, ведь «именно с той точки, с которой начинается роман, созрел весь ЕГО внутренний хаос и разлад (безверие и проч.) с собой. Требования совести стали настойчивее и проч. И этот внутренний хаос и выражается разладом внешним, т.е. вышел в отставку, чудасит с женой; одним словом *беспорядок*, и точно как бы себя разуверить – усиленная проповедь христианства» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 34]. Замена истинных идеалов ложными и отчаянное отрицание всего, к чему прикреплен, являются истоком болезни, поражающей душу Версилова, о котором Подросток в завершении романа должен был сказать: «<...> беспорядок души от неверия» (от атеизма). «Странные слова! Я бы их не понял или счел за пустые, если б не видел в НЕМ живого примера» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 99].

Духовная опустошенность Версилова инспирирует разрушение, нравственное разложение тех, кого также мучает «чудовище сомнений». Его внутреннее «я» сокрыто от окружающих за многочисленными внешними масками, которые быстро сменяют друг друга: веселость и мрачность, стремление к великому и мелочность в обыденном, великодушие и цинизм – «все это <...> от внутреннего беспорядка» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 112]. Капризы Версилова, возникающие «от внутреннего недовольства и беспорядка» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 113], его проповедничество напказ и, в итоге, раскалывание иконы становятся внешними проявлениями «нравственного беспорядка» героя.

В черновых записях к роману «Подросток» неоднократно подчеркивается тяготение Версилова к «бесовскому порядку»: уже на первых страницах заметок Ф.М. Достоевский планирует создать образ «беса вроде Фауста» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 5]. Позже в «романных эскизах» писателя появляется противостояние двух братьев – Федора Федоровича, жаждущего, чтобы «поскорее настало новое общество» и ЕГО, мечтающего, «чтобы все поскорей развалилось <...> ОН говорил в том смысле, чтобы пошло все к дьяволу» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 14]. Для ЕГО разговоров с Подростком автор пишет «огромное *NOTA BENE*», указывающее

на «то, что ОН, из злостной иронии и сатанинского губления взял за систему, под видом всегдашней бранчивости, *тонко льстить и удивляться* Подростку с тем, чтобы вскружить его, сбить с толку и насмешливо погубить гордостью» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 31]. Ощущение «бесовского порядка», овладевшего внутренним миром Версилова, позволяет Лизе сказать «*Я почувствовала в вас беса*» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 113].

Тем не менее «беспорядок» Версилова отличается, например, от искушающего «беспорядка» Ламберта своей *осознанностью*: в разговоре с Княгиней Версилов спрашивает: «<...> вы тогда тоже испугались моего беспорядка, вериг, идей, глупостей?» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 415]. В этом вопросе заключено и признание Версилова в своем страхе перед «бесовским порядком», который ОН пытался преодолеть «усиленной проповедью христианства». Герой осознавал значимость искренней веры, однако не мог воспринять ее гордым сердцем, отравленным смертельным ядом «бесовского порядка».

Желание Версилова возвыситься над другими породило жажду подвига, но духовное бессилие стало причиной невозможности совершения высокого деяния. В отличие от странника Макара Ивановича Долгорукого, который, отлучив себя от житейских удобств и радостей, помогает другим очиститься и обратиться к достойным нравственным идеалам, скиталец Версилов готов лишь к ложному самоотречению: «ОН хочет подвига высшего человека, хочет вериг и жертв, но *мышинный взгляд* и гордость его беспрерывно ЕГО оправдывают в ЕГО совести» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 247].

Согласно авторским задумкам, именно Версилов должен был стать главным олицетворением «бесовского порядка» в романе: примером, во-первых, «беспорядка нравственного», во-вторых, – «беспорядка домашнего», в-третьих, – «беспорядка в свете» и, в-четвертых, – «беспорядка всеобщего». В «Записках» же Подростка с именем Версилова связываются иллюстративные зарисовки ко всем перечисленным видам беспорядка, но, как отмечалось, ни один из них, кроме *безобразия*, не маркирован соответствующей лексемой.

Иная ситуация обнаруживается при анализе «рецензии» на «Записки», составленной Николаем Семеновичем – московским воспитателем Подростка. В относительно небольшом письме-заключении лексема «беспорядок» употребляется 4 раза, что составляет 50 % от количества ее вхождений в объемный текст Аркадия. Единож-

ды, но в весьма характеристичном сочетании с существительным «эпоха» употреблено здесь и прилагательное «беспорядочная». Из набросков к роману в нешаблонный эпилог ретранслируется и такой оригинальный пример авторского словотворчества, как действительное причастие «беспорядкующие», то есть те, кто *беспорядкствует*, а значит – клеветы и распространители *беспорядка*. Не менее выразительно и введенное в «рецензию» существительное «беспорядочность», указывающее на то, что *беспорядок* может восприниматься и как свойство, качество, отличительная особенность человека и поколения.

Лексически подчеркнутая сосредоточенность Николая Семеновича на разных типах *беспорядка* совпадает со стремлением Ф.М. Достоевского акцентировать внимание читателей на многообразии преломлений одноименного концепта, резюмировать масштабность магистральной *идеи* романа. Намеренное слияние голосов автора и героя подтверждается строками из рабочих тетрадей Ф.М. Достоевского: «Подросток. Я давал читать мои записки одному человеку, и вот что он сказал мне (и тут привести **мнение автора, т. е. мое собственное**)» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 409].

Согласно этому мнению, «затаенное желание беспорядка» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 452] у молодых людей спровоцировано их *уединенной юностью*, то есть «отлученностью» от *малой церкви* теми «отцами», которые и совершили в ней раскол. Рецензент «Записок» и фактический автор убеждены: Версиков обрекает своих детей ощущать «отсутствие родового предания» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 453], приниженность перед «высшим слоем людей» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 453], то есть быть «выкидышами общества» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 8], жертвами «беспорядка, раздробленности и *случайности* русского семейства <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 179].

Многообразие художественных преломлений концепта «беспорядок» в произведении Ф.М. Достоевского свидетельствует о значимости данной категории в мировоззренческих установках автора. Неприятие им бездуховности современной действительности и человека, поврежденных «бесовщиной», предупреждение о трагическом влиянии внутреннего опустошения (неверия) и утрате веры и соборности, связующих русский народ, легло в основу художественного воплощения Ф.М. Достоевским концепта «беспорядок» на страницах романа «Подросток».

Список литературы

1. Виноградов, 2003 – *Виноградов В.В.* Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. М.: Наука, 2003. 390 с.
2. Гоголь, 2009–2010 – *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.
3. Даль, 1903–1909 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. СПб.: Изд-е М.О. Вольфа, 1903–1909.
4. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
5. Капустина, 2014 – *Капустина С.В.* Концепты «беспорядок» и «богатырство» в творчестве Ф.М. Достоевского и традиция Н.В. Гоголя: автореферат дис. ...канд. филол. наук: 10.01.01. Симферополь, 2014. 24 с.
6. Карпачева, 2014 – *Карпачева Т.С.* Как Дарья Онисимовна стала Настасьей Егоровной в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Вестник Московского городского педагогического университета. 2014. №1(12). С. 37–45.
7. Касаткина, 2004 – *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.
8. Касаткина, 2015 – *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
9. Кирпотин, 1972 – *Кирпотин В.Я.* Достоевский – художник. М.: Советский писатель, 1972. 320 с.
10. Лепяхин, 2000 – *Лепяхин В.В.* Икона в творчестве Достоевского («Братья Карамазовы», «Кроткая», «Бесы», «Подросток», «Идиот») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2000. Т. 15. С. 237–263.
11. Померанц, 1990 – *Померанц Г.С.* Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М.: Советский писатель, 1990. 384 с.
12. Скуридина, 2007 – *Скуридина С.А.* Поэтика имени у Ф.М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронеж: Научная книга, 2007. 302 с.
13. Степанян, 2013 – *Степанян К.А.* Достоевский и Сервантес. Диалог в большом времени. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.
14. Федорова, 2021 – *Федорова Е.А.* Церковный календарь, евангельский и литургический текст в романе «Подросток» и «Дневнике писателя» (1876) Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. №1. С. 258–282. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.9182>
15. Фридлиндер, 1964 – *Фридлиндер Г.М.* Реализм Достоевского. М.; Л.: Наука, 1964. 404 с.

References

1. Vinogradov, V.V. *Izbrannye trudy. Iazyk i stil' russkikh pisatelei. Ot Gogolia do Akhmatovoi* [Selected Works. The Language and Style of Russian Writers. From Gogol to Akhmatova]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 390 p. (In Russ.)
2. Gogol, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 17 tomakh* [Complete Works: in 17 vols]. Moscow, Moscow Patriarchate Publ., 2009–2010. (In Russ.)
3. Dal', V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka Vladimira Dalia: v 4 tomakh* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dal': in 4 vols]. St. Petersburg, M.O. Volf Print., 1903–1909. (In Russ.)

4. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
5. Kapustina, S.V. *Kontsepty “besporiadok” i “bogatyrstvo” v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i traditsiya N.V. Gogolia: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [The Concepts of “Disorder” (“Besporiadok”) and “Bogatyrstvo” in Dostoevsky’s works and Gogol’s Tradition. PhD Dissertation, Summary]. Simferopol, 2014. 24 p. (In Russ.)
6. Karpachyova, T.S. “Kak Dariia Onisimovna stala Nastasiei Egorovnoi v romane F.M. Dostoevskogo ‘Podrostok’” [“How Daria Onisimovna became Nastasya Yegorovna in Dostoevsky’s Novel *The Raw Youth*”]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 1 (12), 2014, pp. 37–45. (In Russ.)
7. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost’ slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova “realizma v vyshchem smysle”* [On the Poietic Nature the Word. The Ontology of the Word in the Work of F.M. Dostoevsky as the Fundament of “Realism in a Higher Sense”]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)
8. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyi obraz v proizvedeniakh Dostoevskogo* [The Sacred in the Ordinary: the Two-Folded Image in the Works of F.M. Dostoevsky]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)
9. Kirpotin, V.Ia. *Dostoevskii – khudozhnik* [Dostoevsky, the Artist]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1972. 320 p. (In Russ.)
10. Lepakhin, V. “Ikona v tvorchestve Dostoevskogo (‘Brat’ia Karamazovy’, ‘Krotkaia’, ‘Besy’, ‘Podrostok’, ‘Idiot’)” [“Icon in Dostoevsky’s Oeuvre (*The Brothers Karamazov*, *A Gentle Creature*, *The Demons*, *The Adolescent*, *The Idiot*)”]. *Dostoevskii: materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and Research], vol. 15, 2000, pp. 237–263. (In Russ.)
11. Pomerants, G.S. *Otkrytos’ bezdne: Vstrechi s Dostoevskim* [Openness to the Abyss: Meetings with Dostoevsky]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1990. 384 p. (In Russ.)
12. Skuridina, S.A. *Poetika imeni u F. M. Dostoevskogo (na materiale romanov “Podrostok” i “Brat’ia Karamazovy”)* [The Poetics of Names in Dostoevsky’s Work (Based on the Novels *The Adolescent* and *The Brothers Karamazov*)]. Voronezh, Nauchnaia kniga Publ., 2007. 302 p. (In Russ.)
13. Stepanian, K.A. *Dostoevskii i Servantes. Dialog v bolshom vremeni* [Dostoevsky and Cervantes. Dialogue in Long Time]. Moscow, Iazyki slavianskoi kultury Publ., 2013. 368 p. (In Russ.)
14. Fedorova, E.A. “Tserkovnyi kalendar’, evangel’skii i liturgicheskii tekst v romane ‘Podrostok’ i ‘Dnevnik Pisatel’ia’ (1876) F. M. Dostoevskogo” [“Church Calendar, Gospel and Liturgical Text in the Novel *The Adolescent* and *A Writer’s Diary* (1876)”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 19, no. 1, 2021, pp. 258–282. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.9182>
15. Fridlender, G.M. *Realizm Dostoevskogo* [Dostoevsky’s Realism]. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1964. 404 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.04.2021
Одобрена после рецензирования 12.04.2021
Принята к публикации 14.04.2021
Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted 06 Apr. 2021
Approved after reviewing 12 Apr. 2021
Accepted for publication 14 Apr. 2021
Date of publication: 25 Sep. 2021